

Прошел длительный период времени. Чэнь Чан Шэн оценивал, что уже было ранее утро, потому, он поднял тело и выразил Черному Дракону, что уроки на сегодня должны подойти к концу.

Черный Дракон был явно недоволен, но любезно позволил ему уйти.

Он поднял свою голову, чтобы взглянуть на сводчатый потолок подземной пещеры. Глядя на дно заброшенного колодца со своей позиции, все, что он мог видеть, было маленькой черной точкой, которая не пропускала утренний свет.

Как он вернется на поверхность?

Когда он вспомнил процесс, который он использовал, чтобы покинуть это место в последний раз, его выражение изменилось. Он начал снимать одежду так быстро, как мог, прежде чем отложить ее прочь. В своем концентрированном состоянии он не заметил, что пока делал все это, у Черного Дракона был очевидный взгляд нервозности и возмущения в глазах.

Яркая вспышка света прошла мимо, и тело Чэнь Чан Шэна исчезло с земли.

Черный Дракон взглянул на землю, и его усы мягко развевались. Это было не прощание, а жест, выражающий, что он должен быстро вернуться вновь.

В следующий момент Чэнь Чан Шэн вновь вернулся к твердой земле.

Это было то самое придаточное здание Императорского Дворца и тот же пруд.

Он покинул пруд и достиг края. Убедившись, что рядом не было никого, он быстро достал одежду и оделся.

Раннее утро было ярким, но Осень была холодной. Со стороны дворца пришел ветер, и в течение короткого времени ему стало невообразимо холодно. Даже учитывая много лет принятия лекарственных отваров для укрепления его мышц и костей, этого было слишком много, чтобы выдержать.

Каким путем он должен быть пойти дальше?

Он обнял себя руками и начал вспоминать маршрут, которым шел в ту ночь. Вдруг он увидел Черную Козу на обратном конце пруда.

Это удивило его. Он медленно опустил руки - каждый раз, когда у него были проблемы, не зная, куда идти, Черная Коза показывалась перед ним. Женщины среднего возраста сегодня не было тут, но Черная Коза все же появилась. Он начинал находить это странным, и начал чувствовать, что должна была существовать какая-то странная связь за всем этим.

Тем не менее он не знал, кого спрашивать об этом, так как на вопрос Черной Козе точно не будет ответа.

Он направился к противоположной стороне пруда. Черная Коза слегка толкнула его колени, как и в прошлые разы, и затем она начала указывать путь. Неизвестно, было ли это из-за того, что было раннее утро, или по какой-то другой причине, но в Имперском Дворце отсутствовали люди этим утром. Даже слуг, которым должно быть поручено подметать землю, не было видно. С этим, один человек и одна коза легко добрались до стен дворца.

Плющ подкрался к стене дворца, и между плюща был виден слабый след старой двери, двери с замком.

На ошейнике Черной Козы висел ключ.

Чэнь Чан Шэн взял ключ и открыл дверь, затем он прибыл на тихий путь и вскоре вернулся обратно в Ортодоксальную Академию.

Это не был путь, используемый женщиной средних лет, это был тот, который использовала Мо Юй.

Чэнь Чан Шэн хотел поместить ключ обратно на ошейник Черной Козы, но она отклонила голову в сторону, отказываясь.

Он задумался на некоторое время, прежде чем поблагодарить ее, а затем спрятал ключ.

Черная Коза вернулась в Императорский Дворец, и старая дверь вновь была закрыта.

После этого инцидента жизнь, казалось, стала спокойной и мирной. Намерения Божественной Королевы были переданы через Мо Юй всем крупным силам в Столице. Вход Ортодоксальной Академии все еще был в плачевном состоянии. Никто не смел приходить и искать неприятностей. Цзинь Юй Лу заменил собой передние ворота. С чашкой чая в руке и лежа на бамбуковом кресле, он представлял собой закрытые ворота.

Чэнь Чан Шэн продолжал делать то, что и ранее, серьезно читая и культивируя каждый день, а также делал корректировки в подготовку для Великого Испытания. Это включало просмотр экзаменационных документов с прошлых Испытаний. Кроме того он брал с собой Танга Тридцать Шесть и Сюань Юань По в Сад Сотни Растений через стену, чтобы собрать большое количество лекарственных трав.

Травмы Сюань Юань По на правой руке были полностью исцелены, и Чэнь Чан Шэн нашел ему подходящий навык для практики. Было неизвестно, как сильно он мог улучшиться ко времени Великого Испытания.

Так как Танг Тридцать Шесть был наиболее почитаемым молодым хозяином семьи Вэнь Шуй Танг, его участие в Великом Испытании имело большое значение для его клана. Хотя Старый Мастер Семьи сильно отчитывал его в письме за уход из Небесной Академии без его согласия, предметы снабжения, поставляемые семьей Танг, не уменьшились, а наоборот, увеличились. Казалось, что семья Танг была в курсе событий в Столице и хорошо знали о текущей ситуации Ортодоксальной Академии.

Помимо этого Департамент Образования тоже предоставлял множество преимуществ Ортодоксальной Академии, Министр Синь лично контролировал все договоренности. Крупнейшим содействующим, в конце концов, была Ло Ло. Она взяла лекарственные травы, которые ей дал Чэнь Чан Шэн, и подготовила их согласно инструкциям, перерабатывая их в медицинские таблетки, которые были впоследствии направлены в академию вместе с большим числом других предметов снабжения.

Приготовления были закончены, и всё, что требовалось, как казалось, это ждать даты Великого Испытания, но в данный момент произошел небольшой инцидент.

Одним утром в начале зимы, после того, как Чэнь Чан Шэн завершил свою рутину использования Звездного Света для Очищения, и вернулся в маленькое здание из библиотеки,

он вновь застал там Мо Юй. Черные волосы Леди Мо Юй слабо развивались вокруг ее плеч, но она не спала. Ее руки были на поясе, и она стояла у кровати, хмурясь. Давая ощущение кого-то, кто намеренно искал ссоры.

Это был вид, который Чэнь Чан Шэн часто видел в последнее время. Каждый день, после того, как он будил Танга Тридцать Шесть, он видел что-то подобное. Так называемое «настроение подъема с кровати». Другими словами, плохой сон.

«Что-то не так?»

Хотя Ортодоксальная Академия и Мо Юй были врагами, ему все же была интересна причина ее текущего внешнего вида. Он был уверен, что подушка содержала свежие медицинские травы, которые были полезными для отдыха ума.

Мо Юй перевернула простыню и указала на некоторые отдельные кристаллы, которые лежали на кровати, злобно говоря: «Если ты не хочешь, чтобы я спала тут, тогда ты мог просто сказать мне, по крайней мере, не надо было оставлять эти камни, чтобы досадить мне».

Это было не так, но с ее точки зрения, Чэнь Чан Шэн намеренно плевал в нее.

Чэнь Чан Шэн не мог понять. Кристаллы были предоставлены семьей Вэнь Шуй Танг и Ло Ло, они содержали свойство нефритовой эссенции, и при использовании во время медитации, они могли значительно повысить поглощение Звездного Блеска, вот почему он положил их под матрас.

Для Великого Испытания он не оставлял никаких деталей для вероятности.

«Я добавил два слоя матрасов, и сам проверил, кристаллы совсем не чувствуются», - он объяснил Мо Юй.

Мо Юй не говорила ничего, думая, если бы он знал, что Пин Го могла почувствовать одну горошину под десятью слоями матрасов, и это тоже не давало ей спать, он бы определенно не смог ничего понять.

С внешней стороны окна вдруг начал падать снег. Это был первый снег.

С внутренней стороны окна вдруг наступила тишина, и оба молча смотрели друг на друга, и атмосфера стала немного неловкой.

Именно в этот момент Мо Юй поняла, что ее гнев был необоснованным, пока Чэнь Чан Шэн осознал, что у него не было никакой необходимости предоставлять объяснение.

Это была его комната и его кровать, у него не было дружественных чувств к ней, и они, на самом деле, были врагами.

Мо Юй ушла и не возвращалась в Ортодоксальную Академию до Великого Испытания, кажется, что она, наконец, поняла, насколько смешными были ее действия.

Но, на второй день, Чэнь Чан Шэн обнаружил, что его простыня и подушка пропали.

Было ли это приемлемо? Он поднял рукав и понюхал, но не мог обнаружить какого-либо запаха.

Тогда почему Ло Ло и Черной Козе нравилось нюхать его? Теперь даже кто-то такой, как Леди

Мо Юй...

Чэнь Чан Шэн не мог заставить себя почувствовать какое-то удовольствие от этого, будучи человеком с мягкой мизофобией. Мысль того, что Мо Юй обнимала его постельное белье каждую ночь, была трудной для соглашения.

Время шло, и давление, навлеченное первым снегом, уже отошло. Ежедневный снег в Столице стал обычным делом, и с уходом Осени и прибытием Зимы холод постепенно углубился. Дата Великого Испытания быстро приближалась.

Чэнь Чан Шэн знал, что не было больше времени для колебаний, поэтому перестал сомневаться.

Оставались лишь дни до Великого Испытания, и без слов кому-то, под прикрытием утренней снежной бури, он покинул академию и пришел к Новому Северному Мосту. Золотоподобные листья были покрыты снегом, и известная достопримечательность Столицы теперь была чем-то, что можно будет увидеть лишь в следующем году. Туристы отсутствовали, и помимо стражи дворца, которые были размещены вдаль, или летающих повозок, которые оставляли следы в небе выше, ничего более не было видно.

Не то, чтобы тут никого не было. Издалека виднелся слуга дворца в меху, который вывел двух снежных мастифов на прогулку.

Снежные мастиффы не были похожи на собак, а были огромными монстрами, которые сопровождали культиваторов в бою. Они были с Гор Черного Камня, расположенных за пределами Города Старого Снега и были приспособлены к холоду, но не подходили для жары. Он не знал, как им удавалось жить в Столице.

Очевидно, что кто-то, кто владел снежными мастифами, не был обычным человеком. Два снежных мастифа не были белого цвета, а светло-желтого. Снег тяжело падал, и желтый мастиф медленно становился белым, и теперь белый мастиф медленно становился толще.

Перед стенами дворца белый снег был в изобилии, и он сравнивал все вокруг до одного уровня, но в земле была черная бездна.

Это был колодец.

Чэнь Чан Шэн подошел к колодцу и окинул далекого слугу дворца и мастифов единственным взглядом. Убедившись, что они не заметили его, он прыгнул вниз.

На поверхности метель закрывала небо, но под поверхностью, метель не прекращалась. Это было вызвано каждым дыханием Черного Дракона.

В течение нескольких дней Чэнь Чан Шэн приходил увидеть Черного Дракона несколько раз, и больше так не нервничал, как изначально, не зная, как стоять или куда поместить его руки.

Черный Дракон был доволен его пониманием языка драконов, но был очень недоволен частотой его посещения. Хоть это и был дракон, он понимал важность Великого Испытания для людей, так что не просил больше.

Усы дракона легко танцевали, расчищая расколотый лед и снег, которые были перед Чэнь Чан Шэном.

Чэнь Чан Шэн достал несколько пакетов, завернутых в масляную бумагу, и несколько новелл, которые обычно можно было встретить на рынках, и положил их на землю в знакомой манере.

Когда он открыл масляную бумагу, показались жаркое из баранины, жаркое из курицы, жаркое из оленьего хвоста, рассольный говяжий язык и двухголовая рыба на пару.

«Оставьте говяжий язык мне».

Думая о том, что Черный Дракон был заключен в тюрьму сотни лет, был одиноким и жалким, и не принимал пищу в течение долгого времени, Чэнь Чан Шэн приносил с собой еду каждый раз, когда посещал дракона.

Количества, очевидно, было недостаточно, чтобы наполнить Черного Дракона, но было достаточно, чтобы облегчить его голод.

В начале Черный Дракон ворочал носом от еды, делая вид, что: «Раньше я ел людей во дворце, не моргнув», но попробовав ее, он больше не показывал никаких признаков сдерживания.

«Я решил».

Чэнь Чан Шэн ждал с невероятным терпением, пока Черный Дракон медленно закончит наслаждаться едой, прежде чем сказать эти слова.

Черный Дракон смотрел на него, как будто видел перед собой идиота.

После нескольких встреч он уже знал, что Чэнь Чан Шэн имел в виду.

У жалких людишек были хрупкие тела, пока они успешно не завершили Очищение, и начало интроспективной медитации было подобно поиску смерти.

Хотя он не слишком старательно учился под Королевским Отцом, он полностью понимал такую базовую концепцию.

В действительности, Чэнь Чан Шэн тоже понимал, что возможность успеха была близка к невозможной. В Трех Тысячах Свитков Пути не было ни единой записи и предыдущем успехе.

Но он должен был это совершить, потому что Великое Испытание было неизбежным.

Он должен был получить первое место под Первым Баннером, и лишь тогда он сможет попасть в павильон Лин Янь и медитировать там целую ночь.

Лишь с этим у него был шанс коснуться возможности изменения судьбы.

Лишь с этим у него была возможность прожить больше 20 лет.

Без этого, не было большой разницы между 20 и 15 годами.

Это верно, поскольку, пока он шел через методические и тусклые практики культивации, он уже достиг 15-летнего возраста.

Вычитая 15 лет из 20 оставляло ему 5 лет.

Вычитая 20 лет из 500 было все еще близко к 500 годам.

Он хотел сделать ставку 5 лет к пятистам.

Он действительно хотел жить еще 500 лет.

Увидев выражение на лице Чэнь Чан Шэна, Черный Дракон знал, что он был серьезен.

Взгляд Черного Дракона постепенно становился строгим, он планировал остановить Чэня.

Если ты умрешь, кто будет говорить со мной, кто поможет мне выполнить мою задачу?

Чэнь Чан Шэн не издал ни единственного слова, а лишь взглянул на Черного Дракона. Дракон знал, что не сможет остановить его.

Выражение Черного Дракона стало слегка воспаленным.

Чэнь Чан Шэн убрал короткий меч с пояса, и глядя на него, сказал: «Если я умру...»

Черный Дракон бросил один взгляд на короткий меч и тут же успокоился.

Чэнь Чан Шэн подумал немного, а затем сказал: «А, не важно, смерть - это смерть. Последние слова не послужат никакой реальной цели».

Строгий взгляд Черного Дракона постепенно сменился на спокойный, и наконец, на уважение.

Любая жизнь, которая могла спокойно стоять лицом к лицу с смертью и бросать ей вызова, была достойна уважения.

Будь это дракон, демон, яо или человек, или даже ласточка.

Он вспомнил, когда его Королевский Отец говорил эти слова.

Из-за уважения он больше не пытался остановить Чэнь Чан Шэна, его усы дракона дрогнули, слегка касаясь его брови перед возвратом.

Чэнь Чан Шэн присел и взял говяжий язык, который попросил Черного Дракона оставить ему.

В десять лет, узнав, что не проживет больше двадцати, он перестал есть нездоровую, но вкусную пищу, как говяжий язык.

Он начал есть, серьезно смакуя каждую часть со взглядом удовлетворения на его лице.

Доев говяжий язык и выпив немного воды, он отряхнул немного снега с себя, вытер руки, и потер лицо, чтобы поднять концентрацию.

Закончив все приготовления, он закрыл глаза и начал интропективную медитацию.